

Н. А. ЛЫСКОВА (Ленинград)

ПОДЛЕЖАЩЕЕ В ОБСКО-УГОРСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Задача данной статьи — отразить общие сведения о подлежащем в обско-угорском предложении, дать определение подлежащему хантыйского и мансийского языков и выявить его общие и специфические черты в сравнении с другими языками.

Известно, что «строй предложения в огромном большинстве языков мира номинативный» (Кацнельсон 1936 : 103) и большая часть языков располагает специальным падежом — номинативом — для подлежащего. В этом плане не составляют исключения и финно-угорские языки, для которых характерен номинативный тип простого предложения. В обско-угорских языках тип двусоставного предложения имеет свою специфику. В хантыйском и мансийском языках подлежащее чаще всего выражается основным падежом (абсолютивом) любого имени: хант. *ā-set i-sat xūstā ū-məsət* (S 267) 'Der Vater sitzt ganz schweigend da'; манс. *ōjkarisiŋ potartēy* (K 89) 'Zwei Onkelchen führen ein Gespräch', причем абсолютив — безаффиксная падежная форма (Steinitz 1980 : 53—54). Основной падеж обско-угорских языков (а также самодийских) нельзя отождествлять с именительным, выступающим лишь в независимой функции подлежащего. Специфика абсолютива названных языков заключается в том, что имя в этой форме употребляется не только в роли подлежащего, но и в роли несогласованного определения и прямого дополнения (Баландин 1967 : 298—304; Основы 1974 : 384), например, хант. *Ими нуй мил ёнтыт* 'Женщина сукодную шапку шьет'; манс. *Эква нуй кент юнти* 'Женщина сукодную шапку шьет'. Следует добавить, что безаффиксный основной падеж употребляем также в синтаксической функции простого именного сказуемого предложений тождества (Валитов 1978 : 8—9) типа хант. *x̄ten naŋ x̄ten, noren naŋ noren* (S 283) 'Dein Haus [ist] dein Haus, deine Pritsche [ist] deine Pritsche'; манс. *x̄ar-ōjka ti janit ūj* (K 77) 'Der Rentierstier ist ein so großes Tier!'

Дифференциации синтаксических функций безаффиксного основного падежа служит относительно строгий порядок следования членов предложения. В связи с этим Е. И. Ромбандеева ссылается на мнение И. И. Мещанинова, который квалифицирует постановку членов предложения на определенное место как грамматическую форму (Ромбандеева 1979 : 52). Для финно-угорских языков характерна препозиция подлежащего по отношению к сказуемому, препозиция определения по отношению к определяемому слову, препозиция прямого дополнения по отношению к сказуемому (Основы 1974 : 384—385; Егорова 1975 : 114). Следовательно, абсолютив имени,

занимая препозицию по отношению к сказуемому, чаще всего располагается в начале предложения (иногда в середине) и используется в независимой функции подлежащего, что приближает его к номинативу, употребляемому только для выражения подлежащего.

Выше шла речь о наиболее распространенной форме подлежащего в обско-угорском предложении — основном падеже. Менее употребительно в этой роли личное местоимение в именительном падеже. Если в парадигме существительного нет самостоятельных падежей субъекта и объекта, то в системе склонения личных местоимений для выражения объекта и субъекта имеются разные падежи: а) именительный выражает субъект: хант. *Ма хот омыслум* 'Я дом строю (букв. Я дом ставлю)'; манс. *Ам кол унттэгум* 'Я дом строю (букв. Я дом ставлю)'; б) винительный выражает прямой объект: хант. *Нанг маныт китсэн* 'Ты меня отправил'; манс. *Нанг а нум кетыслын* 'Ты меня отправил'.

Так как в обско-угорских языках основной падеж — преимущественная форма выражения подлежащего, а именительный подлежащего используется меньше, на наш взгляд, следует считать тип двусоставного предложения абсолютивно-номинативным. Выделяя такой тип в обско-угорских языках, рассматриваем две его залоговые разновидности: активные предложения и пассивные предложения. В активных предложениях в подлежащем совпадают грамматический и смысловой субъекты, в пассивных этого не наблюдается.

Рассматривая структуру предложения обско-угорских языков, А. Н. Баландин (хантыйского и мансийского) и Е. И. Ромбандеева (мансийского) исходили из противопоставления выражения субъекта выражению объекта. А. Н. Баландин считал номинативной структурой глагольного предложения лишь активную конструкцию, пассивную же вместе с эргативной называл вторым типом глагольного предложения, так как «реальный субъект действия выражается формами косвенных падежей: лативом (направительным падежом) — в мансийском языке и локативом (местным падежом) — в хантыйском языке» (Баландин 1967 : 298—304). Думается, что это мнение страдает нечеткостью, так как автор совместил два неравных понятия: емкое, широкое — тип двусоставного предложения и узкое — разновидность типа двусоставного предложения. Если противопоставлять типы двусоставного предложения (абсолютивный, номинативный, эргативный), которые различаются падежом подлежащего (абсолютив, номинатив, эргатив), в северных диалектах хантыйского и мансийского языков можно отметить абсолютивно-номинативный тип двусоставного предложения, в ваховском диалекте хантыйского языка, помимо него, существует и эргативный тип двусоставного предложения (Терешкин 1961 : 50).

Е. И. Ромбандеева пассивную конструкцию предложения считает разновидностью активных (Проблемы теории грамматического залога 1978 : 274—277; Ромбандеева 1979 : 111—112, 144). По ее мнению, существует три разновидности активных конструкций: а) активная конструкция эргативного предложения; б) активная конструкция номинативного предложения; в) пассивные предложения как разновидность активных конструкций предложения. В этой классификации, нам думается, во-первых, не выделяются типы двусоставных предложений, следовательно, залоговые разновидности предложений не могут быть четко противопоставлены. Во-вторых, грамматическое подлежащее пассивных предложений не может обозначать активного деятеля, поэтому пассивные предложения не могут быть активными. В-третьих, активные предложения выделяются лишь при существующем противопоставлении их пассивным.

Нечеткой классификацией типов двусоставного предложения и их залоговых разновидностей как А. Н. Баландина, так и Е. И. Ромбандеевой объясняется и существующая недостаточно точная терминология. На наш взгляд, термином «конструкция» не следует именовать самостоятельное предложение с законченной мыслью, термин «конструкция» может называть лишь член предложения, выраженный глагольной формой, распространенной зависимыми словами: причастная конструкция, деепричастная конструкция, инфинитивная конструкция. Представляется, что залоговые разновидности двусоставного предложения абсолютнo-номинативного типа обско-угорских языков необходимо обозначить как 1) активные предложения и 2) пассивные предложения.

При рассмотрении типов предложения целесообразно, наверно, в определенных языках исходить из сути грамматического подлежащего, которое предполагает независимую форму выражения, что обеспечивает господствующее положение подлежащего среди остальных членов предложения. Грамматическое подлежащее может совпадать с логическим подлежащим (в активных предложениях) или не совпадать (в пассивных предложениях), оно может выражать субъект (в активных) или объект (в пассивных). Но в любом случае грамматическое подлежащее сохраняет свою независимость и господствующее положение. Примеры: 1) в активных предложениях грамматическое подлежащее соответствует субъекту действия (агент): хант. *šaita luw xən ēwi nēŋa wusli* (S 162) 'Данн nahm er die Zarentochter zur Frau'; манс. *Ном тум кинси манси сот!* (Ш I 53) 'Мысль (моя) ищет мансийское счастье!'; 2) в пассивных предложениях грамматическое подлежащее соответствует объекту действия (пациент) и обозначает лицо или предмет, которые испытывают действие или для которых оно производится (Русская 1961 : 130): хант. *Си мушны мир мет торн иты сэвырсаит* (А I 20) 'Той болезнью люди, словно трава, скошены'; манс. *Сали ойкан кервес* 'Олень мужчиной запряжен'.

Общезвестно, что подлежащее обозначает предмет речи, причем предметное значение его понимается широко: лицо, одушевленный и неодушевленный предмет, явление, отвлеченное понятие и т. п. (Современный русский язык 1976 : 28; Ромбандеева 1979 : 30; Баландин, Вахрушева 1957 : 193—194). Следует отметить, что в обско-угорских языках грамматически не различаются предметы живой и неживой природы. В хантыйском и мансийском языках имеется противопоставление «человек — нечеловек». Имена, обозначающие людей, отвечают на вопросы хант. *хой?* 'кто?', манс. *хонха?*, *хотьют?* 'кто?'. Имена, обозначающие животных, растения, предметы, явления и состояния, отвечают на вопросы хант. *муй?* 'что?', манс. *манар?* 'что?'.

В предложении подлежащее координируется со сказуемым. Сказуемое выражает признак (действие, свойство, состояние, качество и т. д.) подлежащего. Независимое существительное в основном падеже, личное местоимение в именительном падеже, инфинитив и т. п. лишь в сочетании со сказуемым приобретают свойства подлежащего. В двусоставном предложении подлежащее и сказуемое взаимно предполагают друг друга. Подлежащее и сказуемое взаимно связаны и составляют единство: подлежащее нуждается в сказуемом, сказуемое нуждается в подлежащем, чтобы предложение выразило мысль (Гвоздев 1973 : 56). Н. М. Терещенко считает нормой для самодийских языков случаи опущения однажды названного подлежащего (1973 : 131—133). Подобные предложения характерны для многих финно-угорских языков. В обско-угорских языках очень часто встречаются случаи опущения подлежащего, когда последнее эллиптируется. Предложения с

эллиптированными подлежащими являются двусоставными, так как личный формант глагольного сказуемого или связочного глагола составного именного сказуемого легко восстанавливает личное местоимение в роли подлежащего (Ромбандеева 1979 : 30—31). Примеры: хант. *Мастер вурта хатсис. Елем звылт хулемыс. Аتما лявытты питыс* (А II 25) 'Мастер покраснел. От смущения кашлянул. Стал браниться'; манс. *Kirtbh ekva am puŋkumn pili vars. Akv naki ta jalasas, jalasas, akv muŋi pititen pinas. Os ta minas. Jalasas, jalasas os ti johtb. Os akv muŋi pinas, os ta minas* (Ч 8) 'Киртых эква на моей голове гнездо свила. Однажды как-то где-то летала, летала, одно яйцо в гнездо (свое) положила. Опять улетела. Где-то летала, летала, опять прилетела. Еще одно яйцо положила, опять улетела'. Чтобы избежать тавтологии, подлежащее, выраженное существительным в форме основного падежа, в следующем предложении может быть заменено личным местоимением 3 л. ед., дв., мн. ч.: хант. *лув* 'он, она, оно', *лын* 'они (дв.)', *лыв* 'они'; манс. *тав* 'он, она, оно', *тэн* 'они (дв.)', *тан* 'они'. В приведенных выше отрывках личное местоимение 3-го лица в качестве подлежащего даже не включается, что, по мнению Э. Итконена, объяснимо своеобразной языковой экономией, общепринятой в практике финно-угорских языков. Действующее лицо, как он подчеркивает, часто дается только в начале, если в этом нет особой необходимости, повествование продолжается в виде бессубъектных предложений (Itkonen 1966 : 301). Названное однажды подлежащее легко подразумевается даже в том случае, если в бессубъектное повествование включается одно или несколько предложений с иными подлежащими: хант. *xitet löpat amet-ima peta: «ma sörma ši jätäm. šukəŋ täxija tuwe! xotəptam pänna tešətata, pütäm pänna tešäte, tajmem pänna tešäte! aj xopem itpija manət pöne!» ši pötrat tup söxnäs, sörma jis, amet-ima jŋk xošmättäs, töxəttäste, utas uxtiya pönsäte. xutäm xätŋ jötän täjsäte, xutmit xätŋna šukəŋ täxija tuste. šukəŋ täxija jöxtäs, wüt tuste, aj xop itpija pönsäte. amet-ima jöx mänäs. amet-ima jöx mänäm jŋwəna nöx nawərmäs. aj xopət jŋk xonəna näremäs, xotəptat aj xora pönäs* (S 99—100) 'Внук (ее) говорит бабушке (его): «Я вот-вот умру. Увези (меня) на кладбище! Сети (мои) с собой приготовь! Положи (меня) под лодку (мою) меня!» Эта речь (его) только закончилась, умер. Бабушка (его) нагрела воды, помыла (его), положила (его) на сиденье. Три дня держала (его) дома, на третий день увезла (его) на кладбище. Приехала на кладбище, вынесла (его) на берег, положила (его) под лодку. Бабушка (его) вернулась домой. После ухода бабушки (его) вскочил. Лодку (свою) вытащил на берег, сети (свои) положил в лодку'; Ань выглум мәнь мүйлупсат: сэр-мор вөр мүйлупсат, лылың вит мүйлупсат. Сэр-мор вөр ам нуллум кантлы, лылың вит ам нуллум кантлы, витхул, вөрүй ёрувламум мағыс, начальник ёмитанэм мағыс. Отпускумт хул алысьланкве патэгум. Хүлрисьт нувиянум, витхōнын мүйлуптыя-нум. Витхон пүрил вәрилум: вос сягты! (Ш II 19) 'Сейчас возьму маленькие подарки: подарки непроходимых лесов, подарки живой воды. Нехоженный лес на меня сердится, живая вода на меня сердится, за то что забыл рыбу, зверя, за то что хожу (я) начальником. Во время отпуска (своего) буду добывать рыбу. Поймаю (их) рыбешек, подарю водному царю: пусть обрадуется!'. В мансийском тексте наличествуют бессубъектные предложения с опущенным подлежащим — местоимением 1 л. ед. ч. *ам* 'я'. Опущение подлежащего допустимо при наличии широкого контекста. Данная особенность обско-угорского предложения придает динамичность повествованию, лаконичность высказыванию.

Отмечалось, что подлежащее предшествует сказуемому. Следует обратить внимание на такую особенность обско-угорского предложения: компоненты предикативной пары имеют особый порядок следования по сравнению с таковым компонентов словосочетания. В словосочетании зависимый компонент всегда предшествует главному. Предикативная пара совмещает в себе два плана — грамматический (формальный) и логический (смысловой). Подлежащее лишь грамматически является независимым членом предложения (сказуемое грамматически зависит от подлежащего), хотя в смысловом отношении сказуемое важнее подлежащего в обско-угорском предложении, так как оно — главный носитель информации, всегда завершающий любое предложение. В грамматическом (формальном) плане порядок следования компонентов предикативной пары (прямой порядок) расходится с основным правилом порядка слов финно-угорских языков: поясняемое предшествует поясняющему. В смысловом (логическом) плане порядок компонентов предикативной пары не отличается от финно-угорского: главный по смыслу член предложения (сказуемое) имеет в препозиции поясняющий главный член предложения (подлежащее).

В структурном отношении подлежащее в обско-угорских языках может быть простым и составным. Простые подлежащие выражаются одним словом: хант. *jij-po-xət pā xə-ra mą-nəs* (S 233) 'Der Bruder ging wieder in den Wald'; манс. *xōtal šarmat xuriŋ äyi kit sayape sayijäpe* (K 88) 'Die Sonne ist wie ein schönes Mädchen, (das) die beiden Zöpfe flicht'. Составные состоят из функционально неразложимых сочетаний двух и более слов: хант. *kimət xətł ätäŋa samta xən nox kitəs, tūmattas ponantas, kim etas* (S 291) 'Am Morgen des anderen Tages stand der Zar ohne Herz auf, zog sich an [und] kleidete sich an, ging hinaus'; манс. *Ер автобус посым лэг Ульца хосыт вāңки* (Ш II 48) 'Хвост дыма сильного автобуса по улице ползет'.

Из общей характеристики предложения вытекает следующее определение подлежащего хантыйского и мансийского языков: подлежащее — это грамматически независимый главный член абсолютно-номинативного типа двусоставного предложения, обозначающий предмет в широком смысле (лицо, предметы живой и неживой природы, явление, состояние, отвлеченное понятие), выраженный чаще всего основным падежом имени и отвечающий на вопросы: хант. *хой?* 'кто?', *муй?* 'что?', манс. *хонгха?*, *хотьют?* 'кто?', *манар?* 'что?'.

Сокращения

А I — Д. Н. Мамин-Сибиряк, Потрыт, Ленинград 1948. На хантыйский язык перевел В. С. Алачев; **А II** — А. Садовский, Феликс Эдмундович Дзержинский, Ленинград 1940. На хантыйский язык перевел В. С. Алачев; **Ш I** — Ю. Шесталов, Миснэ, Тюменское книжное изд-во, 1961; **Ш II** — Ю. Шесталов, Нулы эрыг, Свердловск 1984; **Ч** — Hurum moj. Sernetsova L. Sernetsov V., hass, Moskva-Leningrad 1937; **К** — В. Kálmán, Chrestomathia Vogulica, Budapest 1976; **S** — W. Steinitz, Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen (aus zwei Dialekten), I. Teil, Tartu 1939.

ЛИТЕРАТУРА

- Баландин А. Н. 1967, Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом». — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
 Баландин А. Н., Вахрушева М. П. 1957, Мансийский язык. Учебное пособие для педучилищ, Ленинград.
 Валитов Г. Н. 1978, Подлежащее в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Тарту.

- Гвоздев А. Н. 1973, Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис, Москва.
- Егорова А. С. 1975, О некоторых вопросах взаимодействия разносистемных языков (мордовских и русского). — *FU* 1, 103—115.
- Кацнельсон С. 1936, К генезису номинативного предложения, Москва—Ленинград.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974.
- Потебня А. А. 1968, Из записок по русской грамматике, т. 3, Москва.
- Проблемы теории грамматического залога. Сборник статей, Ленинград 1978 (АН СССР, Институт языкознания, ЛО).
- Современный русский язык, ч. II, Москва 1976.
- Ромбандеева Е. И. 1967, О так называемых пассивных конструкциях в мансийском языке (в связи с проблемой эргативной конструкции). — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград, 305—310.
- 1979, Синтаксис мансийского (вогульского) языка, Москва.
- Русская Ю. Н. 1961, Самоучитель хантыйского языка, Ленинград.
- Терешкин Н. И. 1961, Очерки диалектов хантыйского языка, ч. I. Ваховский диалект, Москва—Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
- Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Исследования и материалы, Ленинград 1967.
- Itkonen, E. 1966, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki 1966.
- Steinitz, W. 1980, Ostjakologische Arbeiten, Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie, Budapest.

N. A. LYSKOVA (Leningrad)

DAS SUBJEKT IM OB-UGRISCHEN SATZ

Zur verbreitetsten Form das Subjekt auszudrücken, gehört in den ob-ugrischen Sprachen der Grundkasus (der Absolutiv), weniger üblich ist der Nominativ. Aus diesem Grund muß der zweigliedrige Satztyp in der chantischen und mansischen Sprache als absolutivisch-nominativischer Typ bezeichnet werden. Dieser Typ des zweigliedrigen Satzes hat in den ob-ugrischen Sprachen zwei Genera: 1) aktive und 2) passive Sätze.